

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Библиография

Польский перевод четверостиший Омара Хайяма. Wybrane czterowiersze Omara Chajjama przełożyl z oryginała pierskiego Andrzej Gawroński, Lwów (Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich). 1933, 8°, стр. 125.

Четверостишия Омара Хайяма давно стали произведением мировой литературы, не только в том смысле, что они переведены на все почти европейские языки, но и в том, что они создали на этих языках богатую литературу подражаний и разнообразных вариаций. Достаточно пересмотреть любую «хайямовскую» библиографию, стоящую в связи с известной, выходящей ежегодно новыми изданиями обработкой Fitzgerald'a, чтобы убедиться, как неустанно льется этот поток. Можно сказать, что едва ли найдется другой персидский поэт, имя которого было бы в такой мере популярно, особенно в англо-саксонском мире.

Эта литература переводов и подражаний не всегда связана непосредственно с персидским оригиналом; очень часто она характерна только для соответствующей отрасли европейской литературы, хотя и заслуживает полного внимания со стороны исследователя этой литературы. Для изучающего персидскую поэзию она имеет только косвенное значение, главным образом по вопросу о связи востока с западом, о роли восточных элементов в европейской культуре.

Наряду с этой литературой ширится, конечно, изучение оригинала, стремление познакомить читателей с подлинным Хайямом, или, вернее сказать, с теми четверостишиями, которые связаны с его именем, так как вопрос о подлинности едва ли когда-нибудь в этом пункте придет к определенному решению. Наряду со специальной литературой, в этой области продолжают появляться и переводы с подлинника; иногда они преследуют строго научные цели, иногда обогащают и родную литературу, давая не только основанный непосредственно на ориги-

нале, но и художественный перевод. Последняя задача редко кому под силу, так как поэтический талант объединяется с научной специальной подготовкой только в виде исключения; этим можно объяснить отсутствие на русском языке перевода, который удовлетворял бы обоим условиям (ср. замечания С. Ф. Ольденбурга в журнале «Восток», I, 1922, 114—115; не может изменить этого отзывается и перевод, выпущенный *Academia* и Конгрессу Иранского искусства в 1935 г.).

С тем большим интересом можно отметить появившийся в конце прошлого года польский перевод, который представляет событие не только для польской литературы, но займет почетное место в ряду немногочисленных европейских переводов с подлинника, имеющих крупное художественное значение. Этот перевод является посмертным уже произведением львовского профессора А. Гавроньского (A. Gawroński), умершего 11 января 1927 г. далеко еще не старым человеком (род. 20 июня 1885 г.). Переводчик сыграл очень крупную роль в истории нового польского востоковедения, являясь одним из главных организаторов, вызвал к жизни «Общество польских ориенталистов» и был редактором его органа (см. общую характеристику его деятельности в журнале «Rocznik Orientalistyczny», Tom IV, Lwów 1928, I—VII). В научной области он известен, главным образом, как индианист (см. статью S. Stasiak'a, Andrzej Gawroński jako indianista, *Rocznik Orientalistyczny*, ib., VIII—XXI); его работа пользуется признанием далеко за пределами родины и об одной из них — об источниках некоторых индийских драм — сочувственно отзывался С. Ф. Ольденбург («Восток», V, 1925, 248), несмотря на сильное расхождение с принципиальной точкой зрения автора. Человек с громадным литературным кругозором, он обладал большим художественным талантом,

который с особой яркостью проявлялся в его переводах с самых разнообразных языков, как восточных, так и западных, начиная от произведений венгерца Петёфи и кончая индусом Асвагоша.

Над переводом Хайяма Гавроньский работал в последний год своей жизни (1925—1926), тяжело больным, частью в Бретани, где он искал облегчения своим страданиям, частью у себя на родине. Перевод каждого четверостишия сопровождается точной датой окончания его обработки. Всего в его бумагах был найден перевод 54 четверостиший — количество небольшое, но искупаемое высоким качеством художественной отделки. Этому «венку» самим переводчиком было придано известное единство — он расположил четверостишия по алфавиту первых букв. Исключение представляет помещенное последним (стр. 121), в котором переводчик в окончательной редакции слово с буквы Z заменил началом с А. Первое четверостишие (стр. 13) принадлежит не Омару Хайяму, а Хакани и по своей идее служит как бы введением ко всему «венку».

Относительно источников и приемов переводчика в издании никаких указаний нет, очевидно, их не сохранилось и в бумагах. По существу это не важно, так как несомненно, что научных целей специального исследования Гавроньский при переводе себе не ставил; художественное воспроизведение оригинала было его основной задачей. Задача эта решена, можно сказать, блестяще: при большой точности перевода, ему удалось сохранить и форму оригинала. Рифма соблюдается в том виде, как она дается персидскими рубā'ī — ааба, сохраняется обыкновенно даже соответствующее подлиннику число слогов в каждом стихе. Несомненно, что для всякого польского читателя, даже незнакомого ни с персидским языком, ни с персидской поэзией, перевод дает совершенно адекватное представление об оригинале. Литературный талант Гавроньского ручается, что его работа стоит на высоте лучших оригинальных произведений польской поэзии. (Подробный анализ перевода дан Т. Ковальским в статье *Omar Chajjām*, *Przegląd Współczesny*, 1934, № 149 — 150, переизданный с дополнениями в его сборнике *Na szlakach Islamu*, Kraków, 1935, 176 — 183).

Издание выпущено двумя востоковедами Я. Чекановским и Е. Курыловичем, которые предпослали небольшое вступление (стр. 5—8)

с общей характеристикой деятельности Гавроньского (стр. 5—6), некоторыми сведениями об О. Хайяме (стр. 6—7) и значении перевода (7—8). Едва ли надо было в этом предисловии упоминать анахронистическую легенду о связи О. Хайяма с сельджукским везирем Низām ал-мулком и основателем секты ассасинов Хасаном ибн ас-Саббахом. Повидимому, издателями же дано несколько пояснительных примечаний к переводу (стр. 123—124). Перевод издан роскошно: каждое четверостишие помещается на отдельной странице справа и предваряется воспроизведением изящной оригинальной заставки из образцов персидского орнамента. В начале и в конце на отдельных страницах даны два оригинальных рисунка персидского стиля. Все экземпляры пронумерованы.

И роскошная внешность строгого стиля и пиетет, с которым выполнено издание, делают одинаковую честь издательству имени Оссолинских во Львове, выпустившему книгу, и Польскому Обществу ориенталистов, члены которого содействовали появлению перевода в достойном виде.

И. Крачковский

11—13 мая

1934 г.

Die Ausgrabungen der zweiten Ktesiphon-Expedition. Winter 1931—1932. Staatliche Museen in Berlin — Metropolitan Museum of Art, New York. Berlin, 1933, 8°, IV + 35 стр. + 54 рис. в тексте и на таблицах + 1 карта.

Работы первой немецкой археологической экспедиции в Ктезифоне зимой 1928—1929 гг., заметка о которой на основании предварительного отчета О. Reuther помещена в предыдущем выпуске «Библиографии Востока», сильно подвинули изучение топографии Ктезифона и Селевкии. Для исследования искусства и культуры сасанидов и ранне-мусульманского периода открылись новые горизонты, но ряд сложных проблем мог быть только намечен. Разработку части их и дальнейшие изыскания приняла на себя вторая экспедиция 1931—1932 гг., предварительный отчет которой напечатан в Берлине в 1933 г. Как видно из предисловия Е. Kuhnelt (стр. III—IV), экономические затруднения заставили Германию отказаться от самостоятельной экспедиции, объединить германские средства и археологические силы с американскими в лице сотрудников Metropolitan Museum в Нью-Йорке.